УДК 111

ПИРЕНЕЙСКИЕ И РОССИЙСКИЕ ЭКСПАНСИОНИСТСКИЕ СИСТЕМЫ: НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Дегтярев Евгений Владимирович,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Магнитогорский филиал, директор, профессор кафедры естественных, социально-гуманитарных и юридических дисциплин, доктор философских наук, профессор, г. Магнитогорск, Россия.
E-mail: filos.magnit@yandex.ru

Сеничев Иван Викторович,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, аспирант кафедры философских дисциплин, г. Магнитогорск, Россия.

Аннотация
Авторы статьи анализируют особенности экспансионистских систем Португалии и Испании эпохи Нового времени. При этом они обнаруживают некоторые особенности (парадоксы) зарождения и функционирования подобных систем, обосновывают наличие определенного сходства в развитии последних с экспансионистскими системами, функционировавшими в России на разных этапах ее исторического развития. Исходя из этого авторы настаивают на необходимости учета вышеозначенных обстоятельств при разработке возможных путей развития нашей страны в настоящих условиях.

Ключевые понятия:
экспансия,
парадокс,
предпринимательский дух.

В обыденном сознании бытует представление о том, что «единственное, чему учит история – это то, что она ничему не учит». Хотя в этом есть определенная доля истины, согласиться с этим в *научном контексте* означало бы на деле *отказаться* от какого бы то ни было исследования прошлого как источника не только социальных, политических, культурологических, но и *философских изысканий*, что немыслимо. Более того, на наш взгляд, именно аналогии с историческим прошлым способны предоставить материал для адекватной корректировки настоящего, с тем, чтобы «не наступать на одни и те же грабли». [1, с. 5]. Именно этим объясняется наш интерес к исследованию «пиренейского нашествия» – экспансионистских систем, сформированных Португалией и Испанией в эпоху Нового времени. Под экспансией мы понимаем «специфическую форму социального движения определённых общественных образований (прежде всего народов, наций, этносов, государств и их объединений), характеризующуюся их превалированием над другими в одной или нескольких областях (политике, военной области, экономике, идеологии, культуре и т.д.)» [2, с. 8]. На наш взгляд, эффективность подобного превалирования в «социальном пространстве» и «времени» (истории), как правило, обеспечивается уровнем адекватности созданной данным социальным образованием «системы (механизма)» экспансии наличным историческим условиям [2, с. 8]. «Застрельщиком» пиренейского экспансионизма явилась Португалия (после 1580 года включенная в состав Испании). На первый взгляд, это государство совершенно не годилось для создания эффективной экспансионистской системы: это была экономически неразвитая страна, расположенная на европейской окраине. Да и правящая элита, в том числе португальский король, не были заинтересованы в создании экспансионистской системы, нацеленной на освоение мирового океана. В данном случае во многом *определяющей* оказалась *роль личности в истории* (потенциально – во всемирной истории). Такой личностью стал принц Энрико (1395–1460 гг.).

Успешности португальского экспансионизма способствовало несколько факторов, прежде всего духовного характера, связанных с деятельностью принца.

Во-первых, это его *любознательность*. На протяжении всей своей жизни, начиная с юности, Энрико постоянно, неустанно занимался исследованием карт, изучением кораблестроения и навигации. Во-вторых,

своеобразным косвенным следствием увлечения принца стало *развитие наук*, прежде всего географии и тесно связанных с ней картографии, астрономии, теории кораблестроения (а через последнюю, косвенно, технической механики и других технических наук). В-третьих, это *умение (талант)* принца убеждать в необходимости морских экспедиций тех, от кого (прямо либо косвенно) зависело их финансирование. В результате ему удалось добиться того, что в бюджете страны на эти цели была выделена определенная «защищенная» часть. В-четвертых, тесно связанная с этим «жажда наживы» португальского двора, которую Энрико *искусно использовал* для выделения средств на исследовательские экспедиции по Атлантике, вдоль Африканского континента, с целью обнаружения земель, в которых, согласно легендам, ещё царь Соломон добывал золото для строительства Храма. Кроме того, определенную роль здесь сыграл и *систематический характер* экспедиций, организуемых Энрико, а затем и его последователями. Благодаря постоянному бюджетному финансированию, экспедиции организовывались фактически ежегодно. Помимо того, определенную роль здесь сыграли последовательность, постепенность, «безостановочность» *запущенного механизма* экспансии по освоению мирового океана.

Благодаря усилиям Энрико португальцы настойчиво продвигались по Атлантике вдоль Африканского континента, совершенствуя ради этого оснастку своих кораблей и развивая картографию. За полвека прилагаемых усилий, несмотря на не слишком впечатляющие успехи (открытие необитаемых Азорских островов и Мадейры), португальцам удалось продвинуться вдоль африканского континента на полторы тысячи миль. Основные открытия португальских мореплавателей были совершены уже после смерти принца-мореплавателя. Через десять лет после его кончины португальцы пересекли экватор и исследовали Гвинейский залив. Через двадцать лет – достигли южной оконечности Африканского континента. Через почти сорок лет (в 1498 г.) экспедиция Васко да Гамы достигла Индии. Таким образом, на всё про всё ушло порядка восьмидесяти лет непрерывного, поступательного, целенаправленного морского (океанического) экспансионизма португальцев. Однако на этом португальцы не остановились. Они не только продолжили морские экспедиции, но и обратили собственный экспансионизм на колонизаторскую деятельность. Результатом экспедиции П. Кабрала (1500–1502), в составе которой был и Америго Веспуччи, становится открытие Южной Америки (Бразилии), части континента, позднее названного его именем (Америкой).

Что касается «колониальной политики», то её необходимость вполне осознается португальской правящей элитой. Это проявляется первоначально в создание торговых факторий и административных центров в Индии и на других территориях, омываемых Индийским океаном, а затем и в Южной Америке и иных землях, вплоть до Китая и Японии. Форпосты весьма часто закладываются «огнем и мечом» как на суше, так и на море, как в борьбе с арабскими (и другими исламскими) купцами, так и с туземным населением. Сражения, как правило, выигрываются. Причем, в первую очередь, «не числом, а умением» (небольшими отрядами), а также лучшей «технической составляющей»: более совершенным оружием и кораблями. Тем самым в лице португальцев (а позднее и других европейцев) европейская цивилизация доказывает свое превосходство над другими цивилизациями.

Не имея достаточного количества собственного населения для освоения и колонизации гигантских территорий, португальцы активно используют для этих целей моряков из Генуи, астрономов и картографов из Баварии и других германских государств, а также пожелавших стать колонистами фламандцев и т.д. Кроме того, они первыми начали заселять колонии «рабочей силой», «заимствованной» с Черного континента. Благодаря этому и образуется *мировая* португальская колониальная империя. Тем самым обнаруживается некий *парадокс* в становлении и развитии эффективной португальской экспансионистской системы: чем изначально меньше «объективных» условий для ее успешного функционирования, тем больше шансов на ее последущие достижения (при условии наличия у правящих элит таких *духовных компонентов,* как политическая *воля*, соответствующее *целеполагание* и *целеустремленность*, а также достаточной *энергии, предпринимательского потенциала* народонаселения, пассионарности).

Однако дешево достающиеся колониальные богатства (прежде всего, благодаря пряностям, золоту, драгоценным камням и другим восточным товарам) сыграли дурную шутку с Португалией. Они развратили не только правящую элиту, но и население страны. Получаемые средства «проматывались», либо расходовались на строительство дворцов, на роскошь, на войны с привлечением наёмников. Они не вкладывались в

производство, в промышленность, даже (в должной мере) в собственное сельское хозяйство. И это, на наш взгляд, свидетельствует о существовании еще одного *парадокса* экспансионизма: достигнув своего «рассвета», он неизбежно «катится вниз», к гибели. Постепенно правящую элиту Португалии перестало интересовать всё, кроме наживы. Не случайно Колумб, а вслед за ним и Магеллан, одержимые идеями пробиться «западным» путём к Индии и островам пряностей, так и не нашли поддержки в Португалии и перешли на службу к Испанской короне. Вслед за ними, постепенно, «пальма первенства» в открытии новых земель и установлении над ними контроля перешла от португальцев к испанцам. А в результате включения Португалии в состав Испании в 1580году, автоматически под юрисдикцию Испании попали и португальские колониальные владения.

Испания *повторила* путь португальского экспансионизма [3]. Здесь также «начало» не предвещало никаких успехов в реализации экспансионистской стратегии. До последней четверти пятнадцатого века просто не существовало такого государства, как Испания, а имевшиеся на Пиренейском полуострове государства вынуждены были вести кровопролитные войны с исламскими эмиратами. Испания возникла как целостное государственное образование лишь в 1479 году, в результате объединения Арагона и Кастилии. Войны с исламистами продолжались ещё 13 лет – вплоть до 1492 года, когда пал их последний оплот – Гранада, и Пиренеи были поделены между двумя христианскими государствами – Португалией и Испанией. Тогда же испанский король Фердинанд Арагонский и королева Изабелла Кастильская дали итальянцу Христофору Колумбу согласие на организацию экспедиции в Индию «западным путём», в надежде пополнить казну золотом. То есть исходным движущим фактором испанской экспансии стала «*жажда наживы*». Однако открытие Колумбом новых земель первоначально золота не принесло, и он окончил свою жизнь в опале и бедности в 1506 году. «Золотоносное значение» «никчемных земель» прояснилось уже после смерти Фердинанда, в связи с открытием огромных залежей серебра и «после походов Кортеса, завоевавшего империю ацтеков в 1519–1521 гг., и Писарро, разгромившего государство инков в 1532–1534 гг. Приобретение огромных земель на долгое время превратило Испанию в державу с самыми большими колониальными владениями. Они включали Центральную и Южную Америку (Новый Свет), Филиппины и ряд территорий поменьше. … Никто из европейских стран, кроме Португалии и Испании, в то время колоний не имел» [6, с. 216].

Вследствие всего вышеизложенного Испания превратилась в самое богатое европейское государство, колониальные сокровища которого направлялись на содержание самого большого военного флота и армии, а также на ведение бесконечных войн в Европе.

В целом с экспансионизмом Испании дважды в истории (в 1516–1520 годах и в 1580–1581 годах) «счастливый случай» сыграл «дурную шутку», дав испанцем то, что не было результатом их заслуг, их плановых экспансионистских усилий, следствием правильного выбора правящей элитой вектора развития испанского экспансионизма.

На наш взгляд, в истории с испанским экспансионизмом обнаруженный нами *парадокс* проявляется в новом «обратнопропорциональном» аспекте: огромнейшие ресурсные возможности и неправильно избранный правящей элитой вектор реализации экспансионизма приводит, в конечном счете, к отрицательным результатам. Первый «счастливый случай» предоставил юному (шестнадцатилетнему) испанскому королю Карлу I, взошедшему на трон в 1516 году, огромное наследство от своих дедушек. «От Фердинанда – Испанию и Американские колонии. От Максимилиана – Неаполитанское королевство с Сицилией и Сардинией, Нидерланды и владения Габсбургов в Германии. В 1520 г. Карла, уже под именем Карла V, избрали императором Священной Римской империи, объединявшей Германию, Австрию, Чехию и северную часть Италии. Таким образом, молодой человек…, не сделав ни единого выстрела, превратился в самого могущественного из европейских монархов» [6, с. 218].

Второй «счастливый случай» подарил (в связи с прерыванием королевской династии) испанцам Португалию с её колониями в 1580–1581 годах.

Однако неправильно избранный вектор экспансионизма Карлом, а затем его сыном, Филиппом II, как и последующими испанскими королями, привел сначала к краху их экспансионистской системы, а затем и к краху Испанской империи и превращению Испании во второразрядную державу.

Стремление испанских монархов стать «гегемоном» Европы, её католическим лидером в борьбе с протестантизмом опустошало казну, гасило энергию народа, а вкупе с колониальными богатствами вело к деградации собственной промышленности

и сельского хозяйства. Кроме того, как отмечал испанский мыслитель XVI века Монкадо, после открытия Америки приход «огромного количества драгоценных металлов вызвал инфляцию, названную экономистами «революцией цен». Она погубила конкурентоспособность испанской промышленности. Зримым подтверждением этого парадоксального утверждения (бедность от богатства!) стало свёртывание производства в провинциях Испании. Место некогда производимых ею товаров занял импорт, ... Испания превратилась в хронического импортёра зерна, а многие предприятия закрылись» [6, с. 225]. Наряду с неправильно выбранным вектором экспансионизма, важнейшую роль в упадке Испанской империи сыграли и другие факторы. Среди них «невовлеченность» в экспансионизм собственного народа, его пассионарность после начала разыгрывания «европейской карты» (в отличие от времён «колонизаторского экспансионизма», когда «энергия масс» была задействована и «била ключом»). Во многом виновата в этом и «антидемократичность» государственного устройства Испании. Как справедливо отмечают Г. Скирбекк и Н. Гилье, в то время подобные Испании «централизованные государства были менее демократичными, чем средневековые феодальные королевства» [5, с. 258].

Кроме того, экспансионизм оказывается успешным, как правило, в тех случаях, когда экспансионист подключается к чужим источникам, направляя их на содержание и развитие собственного этноса. В истории с Испанией всё было «с точностью до наоборот». Испанская корона использовала «метрополию как «сырьевую» базу – источник финансовых поступлений и вербовки для войн рядовых солдат. Взамен страна практически не получала ничего ценного, кроме разве что чувства имперского величия ... правители использовали свой народ, потенциал государства лишь в качестве донора во имя «великой цели» » [6, с. 226]. На наш взгляд, подобный «политический мазохизм» характеризует и Россию практически на всём протяжении её развития, включая период времён СССР.

Если не касаться периода Киевской Руси, то в истории России можно обнаружить три экспансионистских системы, благодаря которым она прошла путь от небольшого княжества до самого большого по территории государства [4]. Первая экспансионистская система была реализована Иваном Калитой, и созданная им система успешно просуществовала с середины XIV века по XVII век. Эта система была исторически оправдана и мало чем отличалась от экспансионистских систем «восточного типа», созданных во времена феодализма в других государствах. На смену ей пришла экспансионистская система Петра I, включавшая «прозападные» элементы, но так и не ставшая, собственно, «западной» даже в результате реформ (1861 г.; а позже реформ Витте, реформ Столыпина) – по разным причинам. Третья экспансионистская система была создана большевиками и просуществовала вплоть до развала СССР. Как справедливо отмечает Б.Н. Шапталов: «Эти экспансионистские системы привели к расцвету государства, но сам русский народ выиграл от этих успехов немногое. Чаще всего он служил топливом для наступательной машины, источником средств для развития окраин, – при этом, если первая из них была исторически оправданной, то двум последним, – был присущ единый порок: они не могли наладить экономику экспортного типа. Народное хозяйство лишь обслуживало политико-идеологический строй, а не наоборот – государство своей политикой, армией должно было обслуживать экономику, как это происходило в Западной Европе и США» [6, с. 506].

Все три отечественных экспансионистских системы лежат в русле *«пропиреней-ской»* линии экспансионизма. В отличие от них, организованные по *«прозападному»*, *«продемократическому»* типу экспансионистские системы направлены на эксплуатацию других (*«чужих»*) стран и народов (прямо, либо опосредованно); на «подсоединение» к их средствам и богатствам. *Парадоксальность* российской и советской экспансионистских систем состоит в том, что посредством их *эксплуатируется собственный народ,* а как следствие этого – возникают «извращенные», паразитарные формы эксплуатации одной части социума другой. К подобным «извращенным» формам можно отнести эксплуатацию столицей собственных провинций; эксплуатацию городом деревни; эксплуатацию сателлитами (типа СЭВ и «дружественных» СССР стран третьего мира) и «колониальными окраинами» (типа советских республик Прибалтики, Украины, Средней Азии) метрополии; эксплуатацию «слугами народа» собственного народа. «Паразитарность» подобной эксплуатации состоит в том, что одни части социума живут за счет других его частей.

Как показал мировой опыт XX – начала XXI веков, богатой и успешной страна может быть, как, впрочем, и наоборот, независимо от местоположения, размеров, климата, при-

родных богатств, вероисповедания граждан, их менталитета и проч. Достаточно вспомнить опыт Швейцарии, Дании, Люксембурга, Арабских Эмиратов, Саудовской Аравии, Тайваня, Южной Кореи, Японии, Китая и т.д. Успешность и богатство страны определяются способностью её правящей элиты к созданию эффективной экспансионистской системы через определение «правильной» цели (включая приложение сил) и умение активизировать «энергийность» собственного народа, создавая условия для роста его этнического потенциала. «Настройка работоспособности» системы экспансии (либо, в случае необходимости, замена её на новую систему) – важнейшая задача правящей элиты соответствующего социального образования» [2, с. 2]. Успешная экспансионистская система *характеризуется* постоянным «ростом», наступательным характером и эффективностью (подсоединением к чужим ресурсам), прямой, любо косвенной эксплуатацией *«чужих»*, а не собственного народа.

1. Войтин, Н.Е., Дегтярев, Е.В., Дегтярева, Е.Е. Феномен понимания в контексте предмета психологии: философский анализ. Магнитогорск, 2014.
2. Дегтярев, Е.В., Сеничев, И.В. Онтология экспансии. Магнитогорск, 2014.
3. Дегтярев, Е.В., Сеничев, И.В. Философские аспекты социальной экспансии. Магнитогорск, 2013.
4. Карпова, Е.В. К вопросу о восприятии пространства // Вестник Челябинского гос. университета. 2009, N 29. С. 34–37.
5. Скирбекк, Г., Гилье, Н. История философии. М., 2003.
6. Шапталов, Б.Н. Феномен государственного лидерства: экспансия в мировой истории. М., 2008.

References

1. Voytin, N.Ye., Degtyarev, Ye.V., Degtyareva, Ye.Ye. (2014) Fenomen ponimaniya v kontekste predmeta psikhologii: filosofskiy analiz [The phenomenon of understanding in the context of the subject matter of psychology: the philosophical analysis]. Magnitogorsk.
2. Degtyarev, Ye.V., Senichev, I.V. (2014) Ontologiya ekspansii [Ontology of expansion]. Magnitogorsk.
3. Degtyarev, Ye.V., Senichev, I.V. (2013) Filosofskiye aspekty sotsial'noy ekspansii [Philosophical aspects of social expansion]. Magnitogorsk.
4. Karpova, Ye.V. (2009) K voprosu o vospriyatii prostranstva [To the question of the perception of the space] // Vestnik Chelyabinskogo gos. universiteta, N 29. 34–37.
5. Skirbekk ,G., Gil'ye N. (2003) Istoriya filosofii [History of Philosophy], M.
6. Shaptalov, B.N. (2008) Fenomen gosudarstvennogo liderstva: ekspansiya v mirovoy istorii [The phenomenon of public leadership: the expansion in world history], M.

UDC 111

PYRENEES AND RUSSIAN EXPANSIONIST SYSTEMS: SOME HISTORICAL PARALLELS

Degtyarev Yevgeniy Vladimirovich,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Magnitogorsk branch,
Director,
Professor of the Department of Natural,
Social and Humanitarian
And Legal Disciplines,
Doctor of Philosophy, Professor,
Magnitogorsk, Russia.
E-mail: filos.magnit@yandex.ru

Senichev Ivan Viktorovich,
G.I. Nosov's Magnitogorsk State Technical University,
Graduate Student
Of the Department of Philosophical Disciplines,
Magnitogorsk, Russia.

Annotation
The authors analyze the features of the expansionist systems of Portugal and Spain in the modern history era. At the same time they show some features (paradoxes) of the origin and functioning of such systems. The presence of a certain similarity in the development of them with the expansionist systems operating in Russia at various stages of its historical development are revealed and justified. Based on this, the authors insist on the need to consider the above mentioned circumstances, to research the possible ways of development of our country under the present conditions.

Key concepts:
expansion,
paradox
entrepreneurial spirit.